

Валерий Герланец

Валерий Ильич Герланец – известный на Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

Ряд прозаических и поэтических произведений давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили отдельными книгами в престижных альманахах и литературно-художественных журналах, в том числе в журнале «Берега».

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ

Александр I и его время – исторические параллели

Начало. Завершение в следующем номере

Про Наполеона написаны тысячи книг, и все они полны восхищения великим полководцем и правителем, но почему-то забывают восхититься человеком, который его переиграл и разгромил, – Александром I.

Анри Валлотон, швейцарский дипломат и писатель

ГЛАВА 1

ДИСГАРМОНИЯ В ПРИРОДЕ И... ДУШЕ

Ночью Александру приснился кошмарный сон. Государь метался по постели, импульсивными взмахами рук отгонял страшные видения, пытался спрятаться от них под одеялом, но они, словно морские волны в штормовую погоду, накатывались вновь и вновь, заставляя его вскрикивать и покрываться холодным потом. А привиделась ему, причём в мельчайших подробностях, насильственная смерть родного отца, императора всероссийского Павла Первого.

...Александр отчётливо видел, как по мрачным дворцовым анфиладам Михайловского замка, гулко стуча каблуками, идут дюжие гвардейцы, которых в государевы покои вели генерал Беннигсен и Платон Зубов. Убрав со своего пути двух полусонных лакеев, они врываются в царскую спальню.

Толстая свеча, горящая в руке Зубова, выхватывает из полумрака то огромные картины в золочёных рамах, то стоящие под ними кресла, то узкую кровать Павла. Она пуста. Зубов ощупывает простыню и извещает сообщников: «Гнёздышко ещё тёплое, значит, птичка недалёко». Офицеры шарят по углам спальни, их гигантские тени мечутся по её стенам и потолку.

За стоящей возле камина ширмой генерал Беннигсен замечает чьи-то голые ноги. Резким движением он отбрасывает ширму в сторону и обнаруживает за ней императора, облачённого в белую рубаху и ночной колпак. Его испуганные глубоко посаженные глаза шныряют по сторонам, плечи нервно подрагивают. «Что вам здесь нужно?!» – срывающимся голосом кричит Павел. «Вы арестованы, государь», – как-то буднично отвечает Беннигсен. «Но за что?!» – благим матом вопит император.

К нему подбегает Платон Зубов: «От имени нашего отечества мы просим Ваше Величество отречься. Безопасность Вашей особы и соответствующее содержание будут гарантированы Вашим сыном и государством». А Беннигсен добавляет: «Ваше Величество не может управлять миллионами подданных. Вы делаете их несчастными каждый день и каждый час. Отрекитесь! Обещаем, что на Вашу жизнь никто посягнуть не посмеет. Подпишите акт отречения и ступайте с богом».

Струдившиеся подле Павла офицеры начинают подталкивать обезумившего от подобного ультиматума императора к столу. Один из них разворачивает перед ним заранее заготовленный документ об отречении, другой протягивает перо. Но Павел сопротивляется и предпринимает попытки вырваться из окружения незваных ночных гостей. Начинается потасовка. Кто-то хватает стоящую на столе золотую табакерку и что есть мочи бьёт ею императора по голове. Его перекошенное болью лицо обгаряется кровью. Он падает, и в то же мгновение заговорщики набрасываются на него, нанося удар за ударом, словно мстя за все унижения и обиды, полученные от этого странного, явно психически неуравновешенного создания. Император пытается отбиться и орёт благим матом. Кто-то из офицеров набрасывает ему на шею свой шарф и начинает душить. Павел с испуганным и окровавленным лицом издаёт предсмертные хрипы: «Воздуха! Воздуха!..»

В комнату входит граф Пален. Офицеры расступаются, открывая на всеобщее обозрение лежащее на полу безжизненное тело государя в окровавленной ночной рубашке... И вдруг по узорчатому паркету и стенам государевых покоев стала разливаться кровь, извивающиеся змейками потоки окрашивали всё в пугающий красный цвет и устремлялись к нему, престолонаследнику, словно указывая всем, кто истинный виновник заговора и отцеубийства...

Александр вдруг отчётливо видит угрюмое лицо Палена, генерал-губернатора Петербурга, который буквально впился в него взглядом и вкрадчиво шепчет: «Россия на краю гибели! Ваш батюшка довёл народ до крайности, Англия грозит нам войной, к которой мы не готовы. Если вы согласны взять бразды правления в свои руки, то я с группой надёжных людей отстраню государя от власти. Его сумасбродная политика грозит погубить империю». Александр испуганно отшатывается: «Но я не могу, не имею права... Он же мой отец!» – «А он имеет право объявить наследником престола не своего старшего сына, а Вюртембергского принца Евгения, за которого желает выдать сестру вашу Екатерину? Он заявил, что после свадьбы хочет его усыновить и объявить своим единственным наследником, а вас заточить в тюрьму». Александр ошеломлён этой новостью и не знает, что сказать. Наконец его стеклянный взгляд оживает, и он, запинаясь, произносит: «Только, умоляю вас, без кровопролития». – «Безусловно, – пытается успокоить великого князя умудрённый интриган Пален. – Мы просто потребуем от него отречься в пользу законного наследника. После чего ему будет дозволено удалиться от дел в одно из своих владений. Он сможет проживать там хоть с матушкой вашей Марией Фёдоровной, хоть с княгиней Гагариной, хоть с обеими вместе. В общем, как он сам решит...» – «А я?..» – «А вы, великий князь, взойдёте на престол и сделаете всех своих подданных счастливыми...»

Государь проснулся в холодном поту, едва забрезжил рассвет. Свесив с кровати ноги, он помассировал виски, затылок, похлопал ладонями по своим бледным щекам, которые обрамляли белёсые курчавые бакенбарды. Однако мигрень после привидевшегося дурного сна голову так и не отпускала, давая о себе знать болезненной пульсацией то справа, то слева, то в области затылка.

От завтрака Александр наотрез отказался, только выпил крепкого чаю с янтарным майским мёдом и приказал седлать своего любимого скакуна Эмира, тонконового, светло-буланого окраса с густой чёрной гривой, для традиционной конной прогулки. Императору нравились окрестности Петергофа, где он со двором проживал в летний период и постоянно обследовал их, поражаясь каким-то первобытным очарованием местной природы. Здешние пейзажи успокаивали, вселяя оптимизм и уверенность в правильности принимаемых им исторических и более мелких сиюминутных решений.

Александр жадно вдыхал спасительную свежесть утра, наполненного запахами июльского разнотравья, чувствуя, как обруч, с ночи сдавивший всю голову, ослабевает, возвращая мозгу прежнюю ясность и логичность. Эмир двигался лёгкой рысью по извивающемуся среди полей и изумрудных рощиц просёлку. Чуть поодаль от императора следовали четыре конника – Его Императорского Величества конвой, костяк которого составляли лихие кубанские казаки.

«Какая вокруг красота! Какая гармония в природе! – восхищался Александр и вдруг задумался: – А может, мы просто выдаём желаемое за действительное? В чём красота и гармония приро-

ды?.. В том, что звери, чтобы продлить своё существование и дать потомство, пожирают друг друга? И люди, наделённые разумом и являющиеся вершиной Божьего творения, от них далеко не ушли? Они приручили многих животных и выращивают их, чтобы потом умерщвить и набить их плотью своё брюхо. А ещё люди любят охотиться на животных и птиц, любят ловить рыбу... Выходит, что по своим устремлениям мы абсолютно ничем не отличаемся от зверья и даже превосходим его в своей кровожадности... Особенно в период войн и дворцовых переворотов... Такая вот всеобщая "гармония", порождающая потом ночные кошмары...»

Лёгкий ветерок принёс запах сырости и лесной прели. Конь без какого-либо понукания перешёл с рыси на аллюр и вскоре оказался на берегу ручья, рассекающего небольшую берёзовую рощу на двое. Плеск бегущей воды, шелест листвы и трели обитающих в ней невидимых птиц рождали дивную мелодию жизни, которая дарила столь желанные умиротворение и покой. Мысли о дисгармонии окружающего мира сами собой улетучились. Александр почувствовал, как отступила куда-то мигрень, возникшая после страшных ночных видений, как разгладились на лице морщины, а душу словно озарили золотистые лучи солнца. Император реально ощущал тепло и игривость этих лучей, хотя небо с утра и по сей час было затянуто плотной облачностью, столь привычной в летнюю пору для этих мест.

Увидев поваленную ветром берёзу, ствол которой у основания треснул и теперь, словно клык гигантского хищника, заострённой частью смотрел в затянутые клубящимися облаками небеса, Александр натянул удила и спешился. Почувствовав свободу, Эмир тут же спустился по пологому, поросшему густой травой берегу к ручью и, зайдя в его звенящую прозрачную воду, стал жадно пить, периодически фыркая и прядая ушами. Перекликавшиеся друг с дружкой лягушки, облепившие оба берега ручья, при появлении коня и прыгнувшего с него седока дружно попрыгали в воду и притаились – так, на всякий случай.

Император подошёл к поваленной берёзе. Судя по свежести кроны, словно в низком поклоне припавшей к земле, шквальный порыв надломил и повалил её недавно. Пострадавшее дерево так до конца и не осознало трагичность произошедшего, пытаясь выжить, высасывая из почвы живительные соки для сохранения хотя бы части своих ветвей и листочков. Однако продержаться с такой огромной рваной раной белокорой красавице суждено было максимум до конца осени. Ну а потом морозы и лютые ветры окончательно добьют её природное стремление к жизни и ежегодному цветению, когда дерево ещё до появления листвы покрывалось длинными серёжками, выбрасывающими жёлтую пыльцу.

Александр вспомнил, как в этот период его младший брат Костя покрывался красными крапинами, начинал чесаться, и у него поднималась температура. Вызванные бабушкой лейб-медики запрещали страдальцу бывать на улице, приписывали ему какие-то горькие пилюли, а во дворце по два, а то и три раза на день проводилась обязательная влажная уборка. Сам же юный престолонаследник аллергией не страдал и рос достаточно крепким и здоровым ребёнком – рослым, кудрявым и розовощёким. Бабушке он очень нравился, и о своей привязанности к старшему внуку, не по годам смышлённому и рассудительному, она не раз упоминала в переписке с видными европейскими мыслителями и монархическими особами.

Александр провёл ладонью по стволу пострадавшей берёзы и увидел, что на ней осталось несколько полупрозрачных, на ощупь шелковистых плёнок, отшелушившихся от коры, которая от низа до верха была покрыта более тёмными по цвету «чечевичками» – сосудами для дыхания ствола, придающими бересте особую красоту и декоративную выразительность. Он припомнил, как в туесах и лукошках из «берёзовой рубахи» местные крестьяне доставляли во дворец лесные ягоды и грибы, а в более объёмных коробах – карпов и карасей из ближайших прудов. Будучи в Пруссии, ему не раз приходилось пить пиво из берёзовых кружек, так называемых «биркенмайеров», внешнюю сторону которых неизменно украшала береста. Он прошагал вдоль печально поникшего ствола, словно подсчитывая, сколько биркенмайеров из него получится, если бы он вдруг попал в умелые руки прусского столяра. «Десяток, а то и полтора точно бы выточил, – мысленно подытожил Александр. – Вот только не дам я никому подобного сделать: никому не удастся берёзку эту ни в кружки превратить, ни в дрова».

Александр ловко расстегнул широкий кожаный ремень с позолоченной бляхой, опоясывающий его талию, и махнул остановившемуся неподалёку караулу. Казаки тут же приблизились к императору и спешились.

– Ну что, спасители государевы, давайте сообща красавицу вот эту спасти попробуем. Да поможет нам Господь! – перекрестился император, и его примеру последовали конвоиры.

Четверо дюжих казаков, обхватив ствол пострадавшего от непогоды дерева, оторвали его от земли, предприняв попытку вернуть на прежнее место. Берёзка сопротивлялась, хрустела и, наконец, издав стонущий звук, вновь устремила свою раскидистую крону в пасмурность прибалтийского неба.

– Держать! – выкрикнул Александр.

Он ловко обхватил ремнем искалеченный ствол и, наметив место для дырки, в которую должен для надёжности войти длинный металлический язычок пряжки, проделал её кончиком кинжала, предусмотрительно протянутого начальником конвоя. Царский ремень надёжно зафиксировал по-калеченную буйным ветром берёзку, и теперь у неё появился шанс выжить, сопротивляясь новым природным напастям.

«Когда между самодержцем и народом такое взаимопонимание, в государстве будут царить порядок и процветание», – посетила императора мудрая мысль, но от произнесения её вслух он почему-то решил воздержаться.

ГЛАВА 2

ДОКТРИНА МОНРО: СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ ДИКТУЮТ МИРУ СВОИ ПРАВИЛА

Дворцовая площадь северной столицы жила своей суетной повседневной жизнью. По её булыжному панцирю чинно прогуливались молодые и пожилые парочки, пробегали озабоченные делами чиновники и мещане, бесцельно шатались ничем не занятые обыватели, а конные экипажи, оглашая улицы цоканьем копыт, спешили доставить пассажиров по нужным адресам. За всей этой житейской круговертью зорко наблюдали представители полиции и казацьи караулы, обеспечивая должный правопорядок и спокойствие.

А в это самое время в одном из залов Министерства иностранных дел Российской империи, чей главный фасад взирал на Дворцовую площадь, проходило заседание, на которое его министр в чине канцлера Карл Нессельроде убедительно попросил прибыть Его Императорское Величество. Александр обдумал поступившее приглашение и решил ехать, хотя в глубине души ему не очень-то хотелось покидать тихий, пасторальный Петергоф, чтобы вновь оказаться в городе, напоминавшем огромный муравейник.

С детства воспитанный на строгом порядке и пунктуальности, Александр появился в Министерстве иностранных дел точно в обозначенный день и час. На стенах зала заседаний в покрытых позолотой рамах висели живописные портреты наиболее выдающихся государственных деятелей, верой и правдой служивших российским монархам и отечеству, для процветания которого сделали много полезного. За длинным овальным столом сидели высокопоставленные сановники, два статс-секретаря, дипломаты, отдельные члены Государственного Совета, курирующие вопросы внешних сношений.

Главная тема созванного заседания: доктрина Монро, с которой президент Соединённых Штатов Америки буквально ворвался в международную политику, желая подмять её под нужды своей молодой, но весьма настырной державы. Александр прочитал этот документ на языке оригинала – спасибо дальновидной бабушке, пригласившей в своё время для его обучения протоиерея Андрея Самборского. В Лондоне он многие годы был настоятелем православной церкви, женился там на англичанке и возвратился в Россию с прекрасными знаниями английского языка и привычками англиканского пастора.

Смысл и дух прочитанного документа не удивили императора – каждое государство имело полное право отстаивать свои интересы, чётко очерчивая сферы своего влияния. Главное, чтобы заинтересованность одних не вступала в противоречия с интересами других государств и не приводила к военным конфликтам. Хотя довольно часто дипломатия оказывается бессильной, и тогда решение возникшей проблемы переносится из зала заседаний на поле боя. Государь вспомнил вдруг слова Вольтера, с которым много лет состояла в переписке его великая бабушка. В одном из писем Екатерине Второй французский просветитель написал следующее: «Война превращает в диких зверей

людей, рождённых, чтобы жить братьями». Только быть братьями не получается – неуступчивость и высокомерие не позволяют...

Император осматривал собравшихся, из которых лично знал половину, а быть может, даже и больше. Вот она – разноликая, наделённая достаточно широкими полномочиями дипломатическая элита России, от которой в определённой степени зависело дальнейшее развитие державы, сохранение её места на международной политической арене, а также возможности влияния на происходящие процессы в совершенно недружественном нам мире. Избитая истина: дипломатия – это поиск компромиссов. Но как сложно прийти к ним, когда представитель каждой стороны защищает интересы и выгоды исключительно своей страны. Начинается игра, которая по многосложности и каверзости значительно превосходит шахматы. Помнится, в юности любимейший из учителей Лагарп, рассуждая об искусстве дипломатии, попытался сказать об этом не высоким штилем, а искренне, так, как думал: «Дипломатия – это умение творить подлейшие дела и высказывать подлейшие вещи самым милейшим образом и в самых милейших выражениях...»

«Сколько лет прошло, а эта фраза зацепилась и сидит занозой в памяти до сих пор, – подумал Александр. – Ведь посланник той или иной державы должен лгать и изворачиваться для её же блага. Потому как там, где кончается дипломатия, начинается жестокая распря».

Император вспомнил, каким наивным и неискушённым он был в первые годы своего нахождения на престоле. Даже внутренние дела требовали определённых дипломатических навыков, без которых можно было совершить непоправимую ошибку. Без подобных умений, к примеру, было бы невозможно лавировать между двором бабушки и двором отца, которого она видеть на троне не желала, зная его сумасбродный нрав. Представители этих дворов открыто враждовали, потому что были очень разными по своим философским взглядам, духу и устремлениям. Воспитанный на идеях эпохи Просвещения, Александр больше тяготел к политике, проводимой бабушкой, чем к подчас безрассудным действиям отца, отравленного идеями европейского масонства.

Государь мысленно прокручивал былое, воскрешая в памяти то, с каким трудом ему приходилось разбираться в хитросплетениях международных отношений, как он учился выбирать приоритеты и предугадывать ходы сопредельных и отдалённых государств. Причём дипломатия западная во многом отличалась от дипломатии восточной, но, как ни странно, порой они переплетались... И вот в эту огромную запутанную паутину международных связей пытаются вплести свою нить ещё и Соединённые Штаты Америки – далёкая заморская держава, отразившая недавно очередное британское вторжение и продолжающая свою экспансию на Запад, к столь вожделенному тихоокеанскому побережью.

С официально поступившим в Министерство иностранных дел документом – доктриной Монро – собравшихся ознакомил канцлер Российской империи, ведавший также её иностранными делами, Карл Нессельроде. Небольшого роста, тщедушный, с огромным лбом и таким же заметным на худощавом лице носом, он отличался достойным образованием и острым умом. С годами приобрёл ещё два важнейших качества: стал более прозорливым и осмотрительным, что помогло ему довольно долго удерживаться на своём месте.

На свет будущий российский канцлер появился в семье немецкого графа и дочери купца-еврея из Франкфурта. Его отец в тот период был посланником России в Лиссабоне и как раз на корабле возвращался оттуда в Петербург. Именно там, среди бурных морских волн и раздутых ветром парусов, и появился на свет Карл. Поэтому не было ничего удивительного в том, что первым местом службы Нессельроде-младшего стал флот. Однако карьерные перспективы были не столь уж радужными. Российский флот во многом уступал флотам великих европейских держав, таких как Англия, Франция или Испания, сумевших покорить практически полмира. К тому же Карла начинало тошнить даже при небольшой качке, что весьма усложняло его пребывание на флоте.

Тогда по ходатайству отца Карла определили в Конную гвардию. Туда обычно зачисляли широкоплечих рослых молодых людей, которые гарцевали на огромных конях, вооружённые длинными палашами. Плюгавенький Нессельроде в стальных кирасах и треуголке на двухметровом жеребце, на которого он запрыгивал исключительно с разбега, выглядел ещё более карикатурно, чем в облётанной морской форме.

Однако Павел Первый, хорошо знавший Нессельроде-старшего, взял его сына под своё императорское покровительство. За два года Карл дослужился до полковника Конной гвардии и вышел

в отставку, получив придворное звание камергера. Вот тогда он и решил пойти по дипломатической части – нутром чувствовал, что это та стезя, на которой можно реализовать все свои потенции и преуспеть. Какими-то сокровенными фибрами души ему было дано точно знать, когда начальству давать совет, а когда ступешаться или глубокомысленно промолчать, когда представить откровенно коварный план, а когда всё спустить на тормозах.

– Декларация принципов внешней политики Соединённых Штатов, объявленная президентом страны Джеймсом Монро в своём ежегодном послании Конгрессу, не нова. Идея об исключительном статусе и господствующей роли этой страны на территории всего американского континента зародилась задолго до этого, – знакомил с доктриной императора и высокое собрание Нессельроде. – Подобную стратегию внешней политики предлагали ещё его предшественники – Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон, которые предостерегали против тесного политического сотрудничества с европейскими державами...

Александр делал вид, что внимательно слушает выступление главы Министерства иностранных дел, однако на самом деле всё глубже и глубже погружался в собственные мысли о дипломатии и её основных принципах.

«В большой политике всё предельно запутано, даже куда сильнее, чем в делах альковных. Одна держава ищет дружбы с другой или несколькими против третьей. Или рассыпается в комплиментах, подписывая договор о мире и дружбе, а сама усердно плетёт интриги и совершает провокации, подло растоптав все ранее достигнутые договорённости. В международной жизни постоянно случаются изменения: бывшие враги становятся друзьями, а друзья переходят в стан ваших недругов. В этих бесконечных играх не действуют нормы морали и нравственности, присутствуют только прагматизм, цинизм и высший державный интерес. И рушатся в одночасье выстраиваемые десятилетиями принципы дипломатии, выбрасываются на помойку общепринятые нормы международного права и заключённые договора... Как только некая держава приобретает дюжину оснащённых пушками фрегатов, существенно увеличивает численность своей армии, она, чтобы добиться нужного, начинает наглеть. В ход идут запугивание, шантаж, подлейший компромат, угрозы, ультиматумы, торги, экономическое давление... Всё это разнообразные формы дипломатии, применяемой для достижения нужных внешнеполитических целей. Дипломатию можно сравнить с двуликим Янусом. Один его лик обращён в сторону рутины: организаций переговоров, встреч в верхах, участия в работе международных организаций, урегулирования военных конфликтов, а другой лик – в сторону того, что в итоге к этим самым военным конфликтам и приводит», – Александр возвратился к реальности, повернув голову правым ухом к выступавшему, так как на левое он с юных лет был глуховат.

– Господа, считаю своим долгом познакомить вас с основными положениями доктрины Монро. Их всего четыре: США воздерживаются от вмешательства во внутренние дела или военные действия между европейскими державами; США признают и не будут вмешиваться в дела уже существующих колоний в Западном полушарии; исключается возможность дальнейшей колонизации Западного полушария; любые действия европейских держав, направленные на покорение или установление господства над независимыми государствами в Западном полушарии, будут рассматриваться как недружественные по отношению к США. Вот так – ни много ни мало!.. – продолжал доклад Карл Нессельроде.

О пожеланиях американцев российский император знал, понимая, что хотеть – это одно, а вот добиться желаемого – совсем другое. Он вновь отключился от обсуждаемой темы проходящего совещания, погрузившись в прерванные глубокомысленные размышления:

«Взойдя на престол, я сразу же оказался в круговороте происходящих политических событий... Пришлось маневрировать – то заключать союз с Наполеоном, то входить в антифранцузские коалиции. Потом я был вынужден заключить позорный Тильзитский мир, который лишь укрепил положение Франции в Европе. Другого выхода не было, так как Россия исчерпала все свои военные и материальные ресурсы. В то же время прекращение войны в Европе давало возможность нам завершить затянувшиеся конфликты на восточном направлении – с Турцией и Ираном, а на северо-западе – со Швецией. В результате российская территория приросла землями Восточной Грузии и ряда закавказских ханств, тем самым получив выход в Каспийское море и присоединение Великого княжества Финляндского. Это явные плюсы! Но были и досадные минусы: французы устроили англичанам континентальную блокаду, что ударило и по России. Мы вынуждены были сократить экспорт хлеба

и резко снизить импорт многих товаров. Затем Наполеон присоединил к Франции герцогство Ольденбургское, наследный принц которого был женат на моей сестре Екатерине. Война России с Францией становилась неизбежной. Вот такая уродливая дипломатия...»

– Государь!.. Государь, высокому собранию очень бы хотелось услышать вашу оценку доктрины Монро. Сможет ли его декларация реально повлиять на международный процесс или это попытка Нового света заявить о себе Старому? – поинтересовался глава МИДа у сидевшего в глубокой задумчивости императора.

Из одолевавших раздумий Александр возвратился в реальность и сосредоточенным взглядом обвёл собравшихся. Они тоже прекратили разговоры, а кто-то и дрёму и сосредоточили всё своё внимание на государе. Александр прокашлялся и, глядя на висевший на стене портрет первого министра иностранных дел России графа Воронцова, заговорил, причём, как и все тугие на ухо люди, достаточно громко, подчас даже громче, чем это было необходимо:

– Мы внимательно ознакомились с текстом вышеназванной доктрины и смеем предположить, что сей документ – чистое коварство, обёрнутое в трогательную заботу о бедных и незащищённых странах американского континента. Соединённые Штаты Америки очень бы хотели прибрать к рукам сей лакомый кусок, однако их слабая военная мощь не позволяет пока осуществить задуманное. На наш взгляд, доктрина Монро всего лишь протокол о намерениях, не более того. Однако, с другой стороны, сей документ должен содействовать исключительно американским интересам. Таким образом, Соединённые Штаты застолбили огромную территорию, на которую, по их мнению, никто больше не вправе претендовать.

– К сказанному Вашим Величеством я бы ещё добавил, что доктрина Монро – это своего рода сигнал, прежде всего британцам и французам, по поводу того, что американцы не допустят их аннексии на данных обширных и благодатных территориях, – дополнил императора Нессельроде.

– У большинства европейских держав сейчас нет серьёзных намерений восстанавливать свои колониальные владения в Латинской Америке. Скорее всего, американский президент смотрит в будущее, когда подобные намерения вполне могут появиться. И потом, сей документ – дитя односторонней инициативы весьма юной державы – не может считаться частью международного права. Или у вас другое мнение, канцлер?

– Сегодня всё обстоит именно так, но кто знает, что станет с этой молодой державой завтра, когда она расширится до тихоокеанского побережья?

– Судя по тому, сколь отчаянно Соединённые Штаты борются за своё место под солнцем, как набирают политический вес и силу, эту страну ждёт большое будущее. Быть может, в отдалённом от нас времени она станет великой державой... Однако допустить сие отнюдь не в интересах Российской империи, в состав которой, как вы знаете, ещё в прошлом веке были включены северо-западные земли американского континента, открытые нашими землепроходцами, – продолжил Александр. – Там появились русские поселения, а затем указом моего покойного батюшки создана Русско-Американская компания с правом пользования промыслами и полезными ископаемыми на Аляске. Высокому собранию также известно, что много южнее наши переселенцы основали форт Росс. Для закрепления наших прав на эти земли я подписал манифест, в котором объявил Берингово море внутренним морем России. Такой поворот событий очень не понравился США, да и британцы стали ворчать и, как всегда, гадить. Пришлось пойти на уступки касательно мореплавания и рыбной ловли... Просто из-за недостатка средств мы не смогли установить на столь отдалённых землях закон и порядок. Но сделать сие крайне необходимо. Мы считаем, что доктрина Монро никоим образом не касается законно принадлежащих нам на американском континенте территорий, о чём просим незамедлительно известить президента США на уровне вашего министерства.

– В ближайшее время мы подготовим и отправим такой документ, – заверил императора Нессельроде. – Все принадлежащие России земли и населяющие их народы неукоснительно должны трудиться на её благо и чувствовать себя защищёнными... Однако хотелось бы уточнить некие детали. Год назад на территории Латинской Америки под испанской колониальной властью осталась Боливия и несколько островов в Карибском бассейне. Остальные страны провозгласили свою независимость. Однако, как многие из присутствующих здесь знают, на недавнем Веронском конгрессе европейские державы поддержали планы Священного союза по поводу восстановления испанского господства над латиноамериканскими колониями. Это определённо не устраивало Великобританию, опасующуюся

за своё доминирующее положение на тамошних рынках. Она обратилась к США с предложением принять совместную декларацию о координации усилий, которые бы смогли противодействовать предстоящей колонизации Латинской Америки. Но те решили не брать в компаньоны британцев и сделали одностороннее заявление.

– Ваш пример весьма показателен. Американцы амбициозны, алчны и невероятно авантюристичны. Они могут пойти на любые подлости и преступления ради достижения своих целей. Каждый представитель этой молодой нации напоминает Наполеона Бонапарта, стремившегося покорить весь мир. Бонапарта нам в своё время удалось урезонить, урезоним и Монро, – завершил своё выступление император.

ГЛАВА 3

УТРАТА ДОЧЕРИ

Ежедневно государь приходил в свой кабинет и просматривал поступившие бумаги: доклады, законопроекты, пояснительные записки, ходатайства, рапорты из губерний, судов и различных канцелярий, письма... Среди этого скопища бумаг, бесспорно важных и нужных, он в первую очередь выискивал отчёты министра иностранных дел Нессельроде и доставляемые фельдъегерем лично для него сообщения о здоровье Софьи Нарышкиной. Шестнадцатилетнюю красавицу съедала скоротечная чахотка, остановить которую не могли ни придворные лейб-медики, ни даже самые именитые в Европе доктора.

Софья была плодом любви государя императора и Марии Нарышкиной, урождённой княжны Святополк-Четвертинской. Она имела польские корни и не скрывала, что обеспокоена незавидной судьбой своей родины, разделённой между тремя государствами, а потому собирала вокруг себя таких же истых польских патриотов. В придворной среде упорно циркулировали слухи, что принятие польским сеймом конституции страны не обошлось без участия Нарышкиной.

Однажды на балу во время Масленицы двадцатичетырёхлетний цесаревич Александр Павлович обратил внимание на чрезвычайно обаятельную, наделённую прекрасными манерами и одетую по последней европейской моде молодую даму из свиты своей супруги. Как оказалось, она была женой придворного вельможи, гофмейстера Высочайшего двора Дмитрия Львовича Нарышкина. Фрейлина была невысокого роста, но сложена столь безупречно и грациозно, что волей-неволей приковывала к себе внимание как мужчин, так и дам. Её жгучая красота гармонично сочеталась с явно не женской логикой ума и одновременно с полным отсутствием какой-либо выгоды, которую она вполне могла бы извлекать из флиртов с кавалерами высокого полёта.

Александр обожал новые любовные интрижки и, чего уж греха таить, был падок на красивых женщин, но относился к своим прегрешениям весьма снисходительно. Его жена Елизавета, которую, как ему казалось, он не просто любил, а буквально боготворил, была признана первой красавицей Европы. Она получила прекрасное образование и воспитание, знала пять иностранных языков, на которых говорила без заметного акцента, и, будучи иноземкой, пользовалась искренней любовью русского народа. В постели она была одновременно трогательно нежна и, быть может, излишне деликатна, но... чужие замужние и незамужние красавицы всё равно кружили ему голову, и он, учитывая свой высокий статус наследника престола, легко покорял их сердца, не задерживаясь надолго в одних и тех же объятиях. Такова изначальная мужская природа, суть молодого самца, постоянно доказывающего другим окружающим его самцам и самкам свою состоятельность. «Полигамия – вполне нормальное явление, – обаятельно улыбаясь, говорил Александр в дружеском кругу. – Никого ведь не удивляет, что восточные правители имеют по нескольку жён и наложниц».

Менее чем через месяц после того памятного для Александра бала император Павел был убит заговорщиками, и он, его старший сын, а следовательно, законный престолонаследник, стал Императором Всероссийским со всеми вытекающими последствиями и огромной ответственностью, сразу же свалившейся на его плечи. Это только так кажется, что царствовать просто и легко, однако на самом деле всё куда сложнее. Один двор чего стоит со своими вечными амбициями, безмерной алчностью, подлыми кознями и интригами. А ведь есть ещё внешняя политика, политика внутренняя, извечные финансовые проблемы, то и дело возникающие междержавные распри, поступающие со всех сторон

света предложения «дружить против кого-то...». Одно неверно принятое решение, и ты, словно беспечный лесной зверёк, попадаешь в уготованную тебе ловушку.

Несмотря на стремительную череду событий в жизни великого князя, он не забыл о Марии Нарышкиной и постоянно вспоминал о столь взволновавших его душу волшебных флюидах после первой встречи с этой необычайно яркой женщиной. Память вдруг воскресила его вторую встречу с придворной красавицей, с обжигающими поцелуями и объятиями – такими магнетически притягательными и одновременно пугающими своей звериной страстью. Он реально, словно всё происходило сейчас, наяву, вдруг ощутил упруго вздымающиеся груди фаворитки, исходящий из глубокого декольте тонкий пьянящий запах духов, маленькую, невероятно возбуждающую родинку на её тонкой фарфоровой шее. Рука императора скользнула под шуршащие кринолины и оказалась на бедре, кожа которого по своей нежности, пожалуй, не уступала лепестку розы... А потом... Потом произошло то, что и должно было произойти между двумя влюблёнными, души которых охватил испепеляющий огонь любви.

Император встряхнул курчавой, рано начавшей лысеть головой, словно пытаясь освободиться от неожиданного интимного наваждения. Оттолкнув назад кресло и выйдя из-за рабочего стола, он стал широкими шагами мерить пространство своего обширного кабинета. Начищенные до блеска сапоги печатали шаг, словно он сейчас ходил не по натёртому до блеска паркету, а по плацу, готовясь к предстоящему смотру войск. Однако образ Марии не исчезал, да и не мог исчезнуть, учитывая, что их любовная связь продолжалась впоследствии без малого пятнадцать лет... Да, он не раз заставлял игривую польку с другими мужчинами, но прощал подобные шалости, якобы поверив её насквозь лживым оправданиям. Он действительно многое прощал этой красавице, оказавшись в её хитро-сплетённых тенётах.

Машенька, так ласково Александр её называл, родила ему дочь Софью. Появление у императора ребёнка от фаворитки не стало при дворе тайной, подобное случалось довольно часто и обществом не осуждалось: мол, чего уж там, дело-то житейское. Сам Александр оправдывал своё поведение тем, что законная жена так и не смогла родить ему наследника престола. Две появившиеся за время его официального брака девочки умерли в младенческом возрасте. Поэтому всю свою отцовскую любовь Александр перенёс на Софью, окружив внебрачную дочь вниманием и заботой. Интересовался он и родившимся позднее Эммануилом, которого после долгих сомнений тоже признал своим. При встречах со своим дальним родственником Нарышкиным он неизменно спрашивал, здоровы и нуждаются ли в чём-либо его дети? И Дмитрий Львович, грустно улыбнувшись в пышные усы, отвечал вопросом на вопрос: «О чьих детях печёшься, государь, моих или твоих?» Александр вдруг вспомнил, как, подписывая указ о назначении Нарышкина обер-егермейстером, он в присутствии своих секретарей и советников вслух произнёс язвительную фразу: «Так как я поставил ему рога, то пусть он теперь и заведует оленями...»

Исходив вдоль и поперёк весь свой кабинет, Александр вновь уселся за стол и углубился в изучение пришедших в его адрес бумаг. Прочитывая каждую из них, он неизменно в верхней части оставлял резолюцию и роспись, причём почерком, который вполне мог бы стать ярчайшим примером каллиграфического искусства. Видимо, домашние учителя, которые в своё время занимались обучением Александра и его брата Константина, не зря ели свой хлеб.

Раздался робкий стук, и в приоткрывшуюся, украшенную резьбой деревянную дверь просунулась голова одного из дежурных его личной охраны:

– Пакет Вашему Величеству, велено вручить лично.

Император жестом руки призвал охранника к себе и, забрав у него скреплённый сургучом конверт, торопливо его распечатал. Мария Нарышкина сообщала, что два часа тому их дочь Софья скончалась от «грудной болезни во цвете молодости и красоты, как раз накануне свадьбы с графом А. П. Шуваловым».

Александр леденящим шёпотом прочитал эти слова ещё и ещё раз. Он подрагивающими ладонями обхватил своё лицо, вмиг побледневшее от страшной вести, и зарыдал горестно и громко. Это были даже не рыдания, а какой-то орлиный клёкот вперемешку с протяжным звериным рыком. Неистово крестясь, император сполз с кресла на пол и, встав на колени, стал причитать:

– За что, Господи, за что ты наказываешь меня столь жестоко! Возможно, лично я грешен, но... но Софьюшка, этот ангел во плоти, в чём повинна она?..

Слёзы градом скатывались по пухлым, обрамлённым поникшими бакенбардами щекам Александра и капали на сукно мундира, оставляя на нём более тёмные причудливые следы. Император пребывал в столь отчаянном и горестном состоянии, что в эти минуты ему не хотелось жить. И окажись сейчас в его руках стилет, он, не раздумывая, всадил бы его в своё сердце. Ведь та, ради которой ему хотелось жить, совершать благие поступки и сеять добро, покинула этот свет, и покинула навсегда.

Он резко вскочил и подбежал к висящей в дальнем углу кабинета иконе, освещённой тускло мерцающей лампадой:

– Сначала ты забрал у нас с Елизаветой Алексеевной двух дочерей, так и не дав мне потом шанса на наследника. Потом стал забирать детей у Марии Антоновны... и у меня. Трёх забрал... У богоизбранного государя императора, который не дал Бонапарту разорить моё отечество и освободил от власти этого деспота всю Европу... Неужели я не заслужил твоей милости?.. Да, ты подарил мне красавицу дочь, но всё равно забрал её, напрочь лишив меня счастья быть отцом. Чем же я так винен перед тобой, Господи?! Поясни мне, неразумному, подай знак!..

Однако Божий лик безучастно взирал на разбитого горем императора, не собираясь ни утешать его, ни оправдываться перед ним. Покорно склонившись перед иконой, Александр замер, и только его широкие плечи то и дело вздрагивали от пришедшей скорбной вести. Государевы слёзы капали на паркет, и в каждой из них отражалась его уменьшенная в десятки раз согбенная фигура вместе с крошечным огоньком лампадки.

Наконец он поднялся с колен и, достав из кармана батистовый платок, обмакнул им влажные глаза и щёки. Александр вызвал своего секретаря и попросил его срочно разузнать, где сейчас находится императрица. Оказалось, что она дня четыре тому отправилась в Санкт-Петербург по каким-то срочным благотворительным делам, которыми многие годы усердно занималась вместе со своими фрейлинами. Государь отдал распоряжение готовить экипаж для поездки в столицу. Он увидел, что за окнами Петергофского дворца начал буйствовать июньский дождь, словно сама природа оплакивала кончину его юной дочери, щедро изливая свои печальные чувства.

«А я, я даже не заметил её отсутствия, – не без доли смущения подумал Александр. – Прекрасно помню, какими счастливыми мы с Лизой чувствовали себя в первые годы после венчания. Нас даже называли ангельской парой... А потом как-то отдалились, потеряли всякий интерес друг к другу... Хотя где-то в глубине души я продолжал её любить, оказывал знаки внимания... И она в трудные для меня дни тоже всегда была рядом, подставляя своё плечо, давая мудрые советы... Мы изменяли друг другу, не хранили верность... Мало кто из рода человеческого может устоять перед сим коварным искусом. К сожалению, таковы жизненные реалии, таков запутанный мир человеческих страстей. Но и я, и моя супруга всегда хранили верность Богу, России, её народу. И я безмерно благодарен императрице за столь искренние чувства. Она, пожалуй, единственная в великосветском петербургском окружении оставалась на моей стороне в решении не заключать мира с сидящим в разорённой Москве Наполеоном до полного изгнания его полчищ из России. И это в то время, когда аристократия, словно загипнотизированная личностью французского полководца, пыталась убедить меня принять его мирные предложения...»

За час с небольшим кони домчали императорскую карету в столицу, к величественному Зимнему дворцу, и Александр сразу отправился в покои жены. Елизавета Алексеевна ничуть не удивилась внезапному появлению супруга, да ещё с покрасневшими глазами, взиравшими на всё опустошённо-горестным взглядом.

– Меня известили о твоём... о нашем горе... – императрица подошла к мужу и прижалась к его широкой груди, пытаясь утешить своим искренним сочувствием. – Мы ведь пытались Софье помочь, не правда ли? Оплачивали её поездки на лечение в Крым и за рубеж, но коварная болезнь взяла верх, и Всевышний прибрал её к себе. А ранее он прибрал двух ангелов – наших с тобой дочерей! Он всегда забирает лучших...

– Получается, все те, кто остаётся на грешной земле, худшие?..

– Просто их черёд ещё не наступил. Рано или поздно уйдут все: я, ты, каждый, кого нам довелось повстречать – случайно или намеренно...

Елизавета Алексеевна, взяв мужа под руку, подвела к небольшой изящной софе и, усадив его, сама устроилась в стоящем рядом кресле с такой же шёлковой обивкой.

– Хочу с тобой посоветоваться, Элиз, – глядя прямо в ясные, как небеса в солнечный день, глаза императрицы, проговорил на французском Александр. – Ты же знаешь, я давно об этом мечтал, мы вместе с тобой мечтали... Но я как-то не решался... Не мог вдруг взять и переступить через возложенную на меня миссию, через долг, который я исправно выполняю уже без малого четверть века...

– Не совсем понимаю, о чём ты, Александр Павлович? – тоже по-французски спросила императрица.

– Я пытаюсь объяснить. Ведь на всей земле не существует человека, который бы так понимал и чувствовал меня, как ты. Сегодня я сломался... моё сердце сжалось от горя и остановилось... Я даже не знаю, забилось оно снова или нет... Я чувствую себя эдакой сомнамбулой... В общем, хочу, точнее, я принял твёрдое решение – отречься от престола. Приобретём дом где-нибудь на юге – тебе ведь ввиду слабого здоровья доктора прописали юг – и будем жить там с тобой как частные люди, наслаждаясь полной свободой действий и общением с природой.

– Милый, я поддерживаю твоё... точнее наше, обоюдное желание, – прошептала Елизавета Алексеевна, и на её щеках заблестели слёзы радости. – Ведь я страстно желала этого с первых дней нашего знакомства. Скажу, как на исповеди: меня всегда тяготили обязанности, коими наделена российская императрица, всё то, что я должна была делать не по зову души, а потому, что это предписано определёнными правилами и вековыми устоями. Потому что превыше всех богатств – это свобода, опьяняющая свобода делать всё, что ты хочешь, и жить так, как ты хочешь. Именно это дороже модных нарядов, денег, дворцов, золота и бриллиантов...

Александр поднялся с софы в свой полный гренадерский рост и, притянув к себе хрупкую супругу, поцеловал её в чуть припухлые губы.

– Ты, Элиз, единственная на всём белом свете, кто меня понимает... После похорон Софьюшки я сразу же отправлюсь в Таганрог, а потом, возможно, и в Крым – там, прямо на берегу моря, я посмотрел имение... Врачи не раз говорили, что сырой петербургский климат тебе не подходит. Нужен тёплый, залитый щедрым солнцем юг. Вот там мы вдвоём и проведём отпущенное нам Провидением время.

– Неужели это произносят твои уста, Алекс?

– Просто я созрел... созрел круто изменить и свою и нашу с тобой жизнь...

ГЛАВА 4

РУСЬ ИСКОННАЯ И РОДНАЯ

Семейство Нарышкиных пожелало провести обряд погребения дочери по давней старославянской традиции – в белоснежном подвенечном наряде. То есть они таким образом как бы представляли Софьюшке, почившей накануне свадьбы, возможность выйти замуж, чтобы её девичья душа могла обрести вечный покой. Александр поначалу возразил такому противоестественному переплетению траура с весельем, но потом согласился, настаивая лишь на том, чтобы поминки по усопшей прошли именно как поминки, а не как свадебные гуляния. И так, как он попросил, всё и свершилось.

После похорон дочери Александр надолго впал в меланхолию и глубокую печаль. Душа его словно покинула тело, и он продолжал жить по инерции. Император потерял интерес не только к обычным человеческим радостям, но и к управлению государством, переложив свои функции на исполнительного и жёсткого графа Аракчеева. Этому человеку государь поручил проведение крестьянских и военных реформ, вызвавших широкое недовольство в обществе.

Тиски великого горя отпустили Александра только два месяца спустя, и он сразу же отправился на Урал. По пути посетил ряд городов российской глубинки, побывал на Златоустовских заводах, оружейной фабрике и крупном золотом прииске... Странствия государя, который сам себя называл не иначе как «жителем коляски», продолжились и в новом 1825 году. Поездки по стране отвлекали от грустных дум и громоздящихся проблем, принося свежие впечатления и эмоции, обладающие удивительно живительными силами.

Как только император вновь возвращался в Петербург, настроение у него портилось: он начинал нервничать, совершать необдуманные поступки или замыкался в себе, не желая никого видеть и

слышать. Вот почему он с таким желанием отправился в поездку на юг. Там, близ моря то ли Азовского, то ли Чёрного, государь лично хотел подыскать место для пребывания императрицы Елизаветы Алексеевны, которой было предписано сменить климат, причём как можно быстрее.

В дальний путь Александр в сопровождении свиты отправился глубокой ночью. Первую остановку царский конный поезд сделал возле Александро-Невской лавры. Император проследовал внутрь и был сопровождён к гробнице Александра Невского, в честь которого по воле своей бабушки был назван при крещении. Возле его мощей он помолился, попросив у Господа и святого поддержки и защиты. После этого государь пожертвовал монастырю свечей, ладана и масла почитай на год вперёд.

Вторую остановку Александр сделал при выезде из Санкт-Петербурга возле заставы с полосатой будкой, со шлагбаумом и двумя застывшими навывтяжку солдатами. Он вышел из кареты и погрузившимся взглядом долго смотрел на покидаемый им город, словно прощался с ним навсегда. Мысли в голове переплетались и путались, нагоняя отчаяние и вызывая докучливую мигрень.

Перекрестившись, император сел наконец в карету. Кучер щёлкнул кнутом, и лошади, дружно тронув экипаж с места, стали прибавлять в беге, оставляя за собой лишь клубящиеся облачка пыли. Поплыли до боли знакомые пейзажи: покатые холмы с пасущимися коровами, роши и левады, деревеньки с церквушками и речки с переброшенными через них бревенчатыми мостами. Русь – обескураживающая великолепием и нищетой, яркими умами и вековой отсталостью, имперской мощью и светлыми улыбками юродивых. Русь – совершенно не понятная иноземцам, всегда ненавидящих её культуру, веру, трудолюбие и милосердную душу. Вот она за окнами – неоглядная Русь, исконная и такая родная его сердцу земля...

Мигрень как-то сразу отступила, и Александр, удобно устроившись на мягких диванных подушках, задумался, за сколько дней его кавалькада покроет расстояние до портового города Таганрога. «От столицы до тех мест где-то полторы тысячи вёрст будет, а то и более, – в уме подсчитал он. – Минимум – три недели, а то и месяц пути. И это хорошо, потому что жизнь, как подметил один философ, – есть движение!»

Уже оставив далеко позади северную столицу и передвигаясь по почтовому тракту, Александру пришла мысль осуществить наконец давнишний наказ матушки своей Марии Фёдоровны: встретиться со старцем Серафимом Саровским, монахом-затворником Дивеевского монастыря, что находился в далёком Темниковском уезде Тамбовской губернии. «Конечно, придётся вёрст на двести отклониться от намеченного маршрута, но встреча с таким человеком того стоит. Быть может, дар его провидческий поможет мне принять трудное решение о передаче власти, – размышлял он. – Но для этого я более чётко увидеть должен, что впереди ждёт Россию, её племена, род мой Романовых? Туда ли мы движемся, или у державы нашей свой особый путь? От кого ждать нам бесовских козней и подлостей? Ибо нет у меня в душе тишины и мира...»

Александру было известно, что родители его в своё время ездили к некоему монаху-тайновидцу Авелю и имели с ним сокровенные беседы на особо заботящие их темы. Тот выдал также монаршей чете и пророчества, явившиеся ему раньше срока на век, а то и полтора, кои он посчитал долгом своим письменно изложить для пользы государственной. Многие его предсказания пугали, внушая жуткий страх перед таинственным грядущим.

От матушки своей Александр знал, что в Гатчинском дворце есть небольшая зала, в центре которой на пьедестале стоял ларец, украшенный затейливыми узорами. Он был заперт на ключ и опечатан. В нём хранился конверт, собственноручно вложенный туда Марией Фёдоровной, якобы по велению её супруга Павла, незадолго до его насильственного свержения с престола и убийства группой заговорщиков. На конверте рукой императора было начертано: «Вскрыть Потомку нашему в столетний день моей кончины». Именно в этом конверте, ожидая своего часа, хранились пророчества того монаха, наделённого самим Всевышним даром провидения...

В ту памятную для его матушки встречу монах посоветовал ей обязательно побывать и в Дивеевском монастыре, где в ежедневных духовных трудах проводит дни свои монах Серафим. «Не погрешу перед истиной, – признался императрице тогда Авель, – но Серафим ещё яснее и далее, чем мне Господом дозволено, видеть горазд». Эти слова матери врезались в его мальчужковую память, и теперь, вдруг вспомнив их, Александр загорелся желанием побеседовать с удивительным старцем. Это была не глупая прихоть, а задача государственного значения, твёрдое убеждение, что такие знания в итоге помогут ему принять единственно правильное решение.

В середине третьей недели путешествия император и вся его разноликая свита пересекли границу Тамбовской губернии, где их встретил местный генерал-губернатор Александр Дмитриевич Балашов, герой войны с Наполеоном, во время которой он находился при Александре порученцем по особо важным делам, за что тот по завершении военной кампании наградил его орденом Святого Владимира I степени.

Встреча Его Императорского Величества со своим давним знакомцем, показавшим себя героически в годы французского нашествия, стала для Александра по-настоящему радостным событием. Но он не столько ударился в воспоминания о былом, сколько детально расспрашивал о нынешних проблемах и их решении. К примеру, ожидать ли к осени достойного урожая, или правительству следует предпринять превентивные меры по предотвращению голодного прозябания народа. Поинтересовался император и настроениями людей: что их заботит, чего опасаются, каких преобразований ждут.

– Нам новые Кондратии Булавины да Емельки Пугачёвы ни к чему, – обратился он к Балашову и сопровождавшим его чиновникам. – Они только власть на местах и в центре порочат да дело своё чёрное на радость врагам нашим вершат. Ведь ослабления Российской империи и поляки, и англичане, и шведы, и турки, словно голодная волчья стая, ждут. Но не дождутся!

– Мы от столичной жизни, слава богу, далече находимся. А потому у нас, государь, всё тихо, спокойно. Нет тут ни масонов, ни тайных сообществ, не говоря уже о бунтовщиках и смутьянах, – постарался успокоить высокого гостя Балашов.

– Ещё проблема из проблем – крепостное право. Одни советуют мне его отменить. Мол, оно – вериги, которые не дают державе нашей развиваться. Другие убеждают, что крестьяне к такому повороту пока не готовы. Не привыкли они что-либо решать самостоятельно, в основном на барина уповают. Это всё одно, что дитя малое от мамкиной сиськи отлучить – не выживет оно само.

– Непростой вопрос, Ваше Императорское Величество, ох непростой! С одной стороны, конечно, народная инициатива весьма полезна, а с другой – как бы она нам потом боком не вышла. Народ, коли поводья ослабить, такое творить начинает. Вы вот давеча сами изволили Кондратия да Емельку вспомнить. Крепко они в своё время народ взбаламутили...

Местные чиновники одобрительно закивали головами, поддерживая тем самым слова, сказанные Балашовым. Император любил подобные беседы и находился в приподнятом расположении духа. Обведя всех присутствовавших взглядом, он, как бы подводя итог обсуждаемой теме разговора, произнёс:

– Демократия на принципах равенства и свободы – безусловно, вещь прогрессивная, но Россия до неё пока не доросла. Не вижу смысла в том, чтобы деспотизм свободы сменил деспотизм монархии. Я вижу смысл в другом: возвести Отечество наше на верх славы.

Все захлопали и дружно подняли бокалы во славу Российской империи.

После обильного ужина Александр поделился со своим тёзкой горячим желанием пообщаться с монахом-провидцем Серафимом.

– Коль уж я, преодолев столько вёрст, оказался на тамбовской земле, грех с таким разумником и прозорливцем не поговорить. Уж больно много решений ответственных мне принимать приходится, потому, уверен, информированность подобная не помешает.

Балашов пообещал завтра же организовать такую встречу, высказав желание самолично сопроводить императора в Дивеевский монастырь, в полутора вёрстах от которого на живописном берегу речки как раз и находилась обитель старца. Стремясь к затворничеству, Серафим в тридцать четыре года удалился в пустынь, чтобы уйти от мира и всё время проводить в молитвах. Он был убеждён, что только постоянное общение с Богом делает его по-настоящему свободным и счастливым.

– К старцу нашему со всей Руси люд православный стекается. Он ведь целитель знатный, словом Божьим, человеколюбием, травами и водой родниковой от любых хворей излечивает, – с нескрываемой гордостью стал рассказывать Балашов. – Не обессудь, Государь, но водички из чудотворного источника, что преподобный Серафим своими собственными руками облагородил, советую обязательно испить. Ну а в путь-дорогу мы ещё пару бочонков воды сей живой обязательно наполним.

Ещё не забрезжил рассвет, Александр в сопровождении Балашова и четверых конных казаков из его конвоя отправился в Дивеевский монастырь. Императору было доведено, что при благоприятном стечении обстоятельств, связанных в основном с вычурами погоды, добраться до места можно будет часов за девять-десять, и то на почтовых. Потому как если случится ливень, то придётся оста-

навливаясь на ночлег в одной из деревень – не пробиться карете сквозь грязь непролазную, только лошадей загубить можно.

Поехали без многочисленной свиты, причём не на императорской карете, а на широкой повозке на четырёх колёсах с кожаным верхом – эдакая помесь кибитки с таранасом. В пути Балашов рассказал императору, что тракт Тамбов – Саров, находившийся в ведении Тамбовской епархии, обеспечен станциями, а следовательно, подставами¹, и передвижение по нему достаточно оживлённое. Простой люд и монахи двигались в Саров пешим ходом, а вот люди состоятельные и архиереи Тамбова – на почтовых. Ямщик на очередной станции, заслышав перезвоны колокольчика, запрягал лошадей, прибывшие перепрыгивали из тройки в тройку, и свежие лошади тут же пускались в галоп. Так что тройка продолжала оставаться наиболее удобным и быстрым видом транспорта.

Тронулись и вскоре выехали на тракт, освещённый мягким светом ещё не угасшего месяца. По пути давние знакомцы вспомнили былое: яркие эпизоды Бородинского сражения, охваченную пожарами Москву, в которой, как в ловушке, оказался Бонапарт, позорное бегство его спесивых вояк, победное шествие русской армии по Европе аж до самого Парижа... Ну и, конечно же, высокие государственные чины не могли не коснуться волнующих их политических тем. Отечественная война в итоге коренным образом изменила расстановку сил в Европе, перекроила государственные границы, вынудила сильных мира сего сесть за стол переговоров, чтобы совместно разработать иную архитектуру дальнейшего сотрудничества держав. Всё менялось стремительно и неотвратно и по этому вызывало страхи как в правящих кругах, так и у аристократии. Политический бомонд Европы был весьма удручён победой России, подарившей народам целого ряда стран свободу от тирании «французского революционера». Получив её, они пришли в замешательство, не зная, что теперь с нею делать и по какому ветру держать нос. Деятельность завзятых интриганов и лжецов почему-то дала сбой, и грозный русский медведь в очередной раз наступил им своей когтистой лапой на горло, да так, что перехватило дыхание...

Александр очень гордился, не скрывая этого, тем, что за годы его правления Российская империя приросла обширными территориями и населением. И Пётр Великий, и бабушка, Екатерина Вторая, сделали очень много во благо России, но и он, Александр, не ударил в грязь лицом. За время своего правления добился присоединения к ней Восточной Грузии, Менгрелии, Гурии, Имеретии и ряда закавказских ханств. В состав империи вошли также Финляндия, Бессарабия и большая часть Польши. Такая её откровенная политико-экономическая экспансия заставляла правителей других государств нервничать, а в отдельных случаях спешно сколачивать антироссийские коалиции. Ведь мощно развивающаяся держава, имеющая выходы во все окружающие её моря, им была не нужна – она пугала своими возможностями и непредсказуемостью.

Разгорячившись темой, которая давно не давала Александру покоя, он, энергично жестикулируя, рассуждал:

– Из века в век европейцы называют нас свирепыми казаками, дикарями, азиатскими варварами. Они не хотят признавать нас такими же равноправными жителями европейской цивилизации, как они сами. Всегда стараются говорить свысока, через губу, менторским тоном, словно патриций с плебеем. Их уже поседевшие от времени мечты – затормозить наше развитие, принизить достижения и успехи, втоптать в грязь наши духовность и культуру, сеять смуту и плести заговоры внутри, поссорить с соседями снаружи... Однако на территории, которая простирается от наших западных рубежей до Уральского хребта, поместится семь Франций, девять Швеций, более тринадцати Италий. Да на ней вся Европа со всеми своими империями, протекторатами и княжествами поместится. Это не мы – восточная окраина Европы, а они – её западные задворки!

– Помните, как, выполняя условия перемирия, французская регулярная армия покинула Париж и в город вошли русские войска вместе с подразделениями союзников? – ударился в воспоминания своей молодости Балашов. – Столичные жители со страхом ожидали, что начнутся мародёрство, кутежи, насилие. Однако ничего этого не произошло. А ежели кто и затевал подобное, наказан был, и строго! Французы глазам своим не верили: на их землю пришли «азиаты», а ведут себя великодушно, без каких-либо бесчинств и эксцессов. Удивили мы их тогда, и здорово! Особенно вы, Государь. Они думали, что русский император в Елисейском дворце поселится, а он выбрал скромный особняк дипломата Талейрана. Полагали, что с огромным кортежем разъезжать будет, а он без охраны гулял

¹ Подстава – лошади, приготовленные на пути следования для смены уставших.

по Елисейским Полям, добродушно беседуя с парижанами. Да такого не мог себе позволить даже их бывший император!

– Вот это их и пугает. Не могут они прочесть наши мысли, а уж тем более понять логику нашей души. Из разного теста Господь нас сотворил – и, видимо, не случайно...

Пока экипаж, сопровождаемый конным конвоем, двигался по степной местности, он поднимал вверх густые клубы пыли. Но потом дорога пошла через сосновый лес, где пыли не было вовсе, и она перестала докучать. На всём протяжении движения по обочине тракта в сторону монастыря шли богомольцы. Каких только калек они не тащили в самодельных тележках в надежде на их исцеление или хотя бы облегчение их участи.

Где-то часа за два до приезда в монастырь мчавшая императора тройка поравнялась с молодой бабой на придорожной обочине, которая рыдала, воздевая руки к небесам. Она стояла на коленях рядом с расprostёртым на траве худеньким телом девочки лет десяти-двенадцати. Несчастная судорожно изгибалась и дёргалась, а из её рта шла пена.

Александр попросил кучера остановить лошадей и выскочил из повозки, следом за ним спешно последовал и Балашов.

– Что стряслось, болезная? – поинтересовался у голосящей бабы император.

– Дарья, дочка моя, помирает. Точно бесы в неё вселились и душу вытягивают.

Александр опустился перед судорожно дёргающейся девочкой с перекошенным побледневшим лицом и развернул её на бок. Затем достал свой носовой платок и обтёр ей рот. Тем временем мать, прекратив голосить, туго свернула в скатку цветастую шаль и подсунула её под голову дочери.

– Раньше с ней подобное случалось? – спросил у женщины Балашов.

– Было, барин, раза три уже было... Потому и решила к Серафиму отвести... Чтоб он молитвой праведной бесов этих изгнал.

– Судя по всему, у девочки падучая, – сказал Александр. – Держите её за ноги и руки, чтоб она себя не покалечила. Сейчас приступ закончится.

Мать стала придерживать ноги, а генерал-губернатор – руки девочки. Как только судорожные движения стали угасать, Балашов поинтересовался:

– Сами-то откуда?

– Спасские мы, – ответила баба.

– Это вы, почитай, уже полтора ста вёрст прошли. Ещё сутки, не меньше, идти осталось...

Минут через пять Дарья стала приходить в себя: конвульсивные движения прекратились, она открыла ясные, как озёрная синь, глаза и удивлённо осматривала окруживших её людей.

Император улыбнулся и, обхватив девочку обеими руками за худенькие плечики, поставил на ноги, поинтересовавшись, как она себя чувствует.

– А я что, упала? – спросила Дарья.

– Такое бывает, – улыбнулся Балашов. – Иной раз и на ровном месте споткнуться можно.

– Поедете с нами, – сказал император и кивнул в сторону своего экипажа. – А то вы к старцу и через сутки не дойдёте.

Крепкая, широкобёдрая и грудастая баба, на вид ей было не больше тридцати, стала отнекиваться от столь заманчивого приглашения, но потом, осеня спасителей дочери крестными знаменьями, всё же согласилась. Она понимала, что повстречавшиеся ей в дороге господа, облачённые в дорогие военные мундиры, птицы высокого полёта, но то, что один из них всероссийский император, явно не догадывалась.

Ближе к вечеру тройка с высокими гостями подъехала к монастырским стенам, за которыми виднелись купола церквей с золотыми крестами, а затем стала спускаться вниз к реке, где в собственно-ручно срубленном ските обитал, врачевал и молился старец Серафим. Видимо, предчувствуя скорые отдых и кормёжку, кони бежали очень резво и через несколько минут остановились возле его обители.

– Александр Дмитриевич, – обратился к Балашову император, – не в службу, а в дружбу попроси старца Дарьюшку посмотреть.

– Так ты же, Александр Павлович, с ним тоже побеседовать хотел.

– А я и побеседую, обязательно. Только завтра.

ОТКРОВЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

Преподобный Серафим, как и всегда, встал очень рано – ещё до первой зорьки. Он помолился, попросив у Господа физических и душевных сил, прозорливости и мудрости, столь необходимых ему для предстоящей беседы с помазанником Божьим. После чего взял веник и навёл порядок в келье, в которой кроме икон в красном углу, стола с двумя лавками и узкой дощатой кровати больше ничего не было. На столе под горящей свечой лежала Библия в толстом кожаном переплёте. Вся обитель старца была пропитана молитвами и благодатными запахами ладана и воска. Этот скит на берегу реки Саровка, за которой начинался вековечный бор, он срубил сам сразу после того, как взял на себя подвиг пустынножительства.

Старец был поджарым и сухощавым, а лицо обрамляли длинные до плеч седые волосы, усы и окладистая борода. Спина монаха была согбенна и сильно уменьшала его рост. По мнению одних, Серафим стал сутулым от бесконечных поклонов и молитв, по мнению других – от жестоких побоев, которые нанесли ему три пришлых незнакомца. Не найдя в келье никакой поживы, они в дикой злобе стали избивать монаха кулаками и топором. Нанесённые ими раны чуть не лишили его жизни. Однако Серафим чудом выжил, вот только спину его согнуло калачом. Об удивительном старце ходило окрест и много других былей и легенд.

Серафим перекрестился и вышел на крыльцо. Навстречу ему, лучезарно улыбаясь, бодро шёл Александр. Его золочёные пуговицы на мундире и сапоги с высокими голенищами поблёскивали в лучах солнца, появившегося над тёмными верхушками сосен. Государь был без свиты и, судя по всему, из монастыря, где он провёл ночь, шёл пешком.

– Здравствуй, преподобный Серафим! – низко поклонился он старцу.

– Христос воскрес, радость моя!

– Сказывали мне, что ты, будучи великим светильником и подвижником, стяжал дар прозорливости.

– Я, Государь наш благословенный, всего-то грешный раб Божий. Что мне Господь повелевает, то я и передаю требующему. На самом деле я не ведаю, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. То же самое рёк я много лет тому и матушке твоей Марии Фёдоровне. Пусть пребывает она в здравии и радости.

– И тебе, преподобный, здоровья и бодрости на долгие годы.

Старец завёл Александра в келью и, усадив на лавку по одну сторону стола, сам сел напротив – на другую лавку. Потолок в жилище монаха нависал так низко, что рослому императору пришлось идти, глубоко пригнувшись.

– Что привело тебя сюда, за сотни вёрст, мне ведомо, – проговорил Серафим. – Маета души, сомнения и надлом внутренний. Такое с каждым бывает. А уж у государя российского, что в делах и заботах праведных изо дня в день пребывает, тем паче.

– Солдата после двадцати пяти лет службы домой отпускают, а я ведь без малого столько же служению родине отдал. Устал... Россия ныне более чем когда нуждается в государе молодом. А я уж не тот... утомила меня суета каждодневная. Вот и приехал спросить: какая участь мне Всевышним Провидением уготована? Удалиться вовремя или остаться на престоле всероссийском?

Серафим молчал, глядя прямо в глаза сидящего напротив императора, словно считывал его мысли и душевные переживания, наконец заговорил:

– Решение твоё за советом приехать – со всех сторон правильное. Уж больно много всего на кон поставлено. Тебе, помазаннику Божьему, ни Господа, ни народ свой подвести никак нельзя. И то, что сомнения тебя гложут, – хорошо тем паче. Значит, путь к Богу торишь, потому как зарос он лебедой повседневных забот и тревог, переживаний и скорбей... Жизнь, она ведь, как известно, не только лепестками роз усыпана, но и шипами утыкана. Потому не виновать себя в том, что чего-то сделать не успел, а что-то сделал, да не так, кому-то помог, а кому-то не догадался, что ошибался... Не ошибаются только лоботрясы завзятые, и то потому, что никогда ничегошеньки полезного не делают...

– Но я ведь... – попытался что-то сказать Александр, однако старец поднятой вверх рукой не дал ему этого сделать и продолжал:

– Мысли верные и благородные Господь тебе посылает, да и силами физическими и духовными наделил сполна. А то, что опоры и поддержки ищешь со стороны супруги своей, порыв богоугодный. Нет на земле ни в наших, ни в чужих пределах человека, любящего тебя так, как она – всем сердцем, всей душой. Направлена царевна была тебе не случайно и крест свой несёт подобающе и достойно. Жаль, что не взял ты её с собою.

– Однако наследника престола так и не произвела, – возразил старцу Александр. – Двух дочерей родила, но и их Господь ещё в младенчестве прибрал.

– На всё воля Божия. А дело твоё многотрудное, когда час придёт, один из младших братьев достойно продолжит.

– Брат мой Константин от престолонаследия отказался, Николай – тоже не очень стремится на себя сей тяжкий груз взваливать.

– Воля же Господня такова: не следует тебе от престола всероссийского отречься. Деяние сие только врагам нашим службу сослужит. В Европах хоть и не очень тебя любят, а всё одно «царём царей» нарекли. А царь царей хандре и слабостям подвергаться не должен.

– Значит, служить мне ещё, как тому медному котелку? – полюбопытствовал у собеседника император.

Вдруг затрещала и стала мерцать лампадка под иконой Богоматери. Старец с прыткостью, совершенно не соответствующей его солидному возрасту, подхватился и спешно поменял порожнюю лампаду на заполненную елеем. Несколько раз перекрестившись, он прочитал перед святым ликом Матери Христа короткую молитву и воротился на место.

– Править будешь столько, сколько тебе Господом отпущено. Не мне, рабу Его грешному, оглашать конечную дату твоего царствования. Одно могу сказать: имя твоё ещё при жизни золотыми буквами на скрижалях истории начертано и навечно там останется.

– И всё же я хотел бы узнать эту дату.

– Не всё мне открывается. Много так и остаётся в тумане времени... Вижу тебя, причём смутно весьма, под иной личиной. Уже не как императора всероссийского, а как... монаха-отшельника, вроде меня... Люди к тебе тянутся, хотят слово заветное услышать или исцелиться... Почему-то Феодором тебя кличут. Феодором Кузьмичом... Но ты это или не ты – не разобрать...

Махнув рукой, старец словно отогнал видение и вновь поднялся со своего места. Прошагав к дубовой бадье, он зачерпнул из неё черпаком воду и, осторожно перелив её в серебряный стакан, принёс и поставил его на стол перед Александром.

– Родниковая, от любых хворей лечит и усталость на раз снимает.

Император поблагодарил и отпил несколько глотков той самой «живой воды», которую по пути сюда ему так нахваливал местный генерал-губернатор.

– А скажи-ка мне, Серафим, что с девочкой той, которую мы вчера с Балашовым привезли?

– С Дарьюшкой... Падучая у неё... Созревает она, взрослеет, вот падучая и обнаружилась. Недуг нехороший, но жить можно. Люди вон без обеих ног или рук живут... Я ей отвар дал из трав целебных, он в таких случаях помогает. Жалко Дарьюшку, однако избавить от недуга сего её только Творец всего сущего может.

– Спасибо, преподобный, за доброту твою и сострадание, – поблагодарил старца Александр.

– Это я благодарить тебя должен. За душу твою светлую, милосердную. Ни девчушка, ни мамка её ведать не ведали, кто им вчера руку помощи протянул.

Посидели молча, погрузившись в обуревавшие каждого мысли. Первым вернулся в реальность Александр, который обратился к старцу с вопросом очень важным и насущным:

– Много меня тревожит, но первое всего судьба державы нашей великой. Уж больно много недругов вокруг неё злобным воем воют да оружием бряцают. Можешь ли ты, преподобный, взором своим пророческим, умом праведным охватить времена ближайшие и более отдалённые?

Старец на какое-то время снова ушёл в себя, и его благообразное лицо сразу сделалось серьёзным, а во всегда просветлённом взоре поселилась вселенская печаль.

– Не покривлю душой, Государь, тяжкие грядут времена. В северной столице бунт великий зреет. Завершится он кровопролитием, ну а для главных зачинщиков – виселицей и ссылкой далёкой. Позднее в море, что Чёрным зовётся, битва случится – неудачная и позорная для России. Англичане, французы и османы своего добьются, правда, ненадолго... Но враги наши извечные не оставят Рос-

сию и будут кружить вокруг неё, аки вороны над полем брани. Большая война начнётся и страшная революция. Бунты разинский и пугачёвский – ничто в сравнении с тем, что тогда случится... Погибнет множество верных отечеству людей, реки крови русской прольются. Повсюду люди будут не созидать, а рушить, грабить и осквернять... Не избежат сего ни церкви, ни монастыри... С приходом антихриста начнутся гонения на христиан, и ангелы едва будут поспевать брать их души.

Глаза старца наполнились влагой, а на щеках заблестели скупые слёзы. Горестное предчувствие мгновенно передалось и императору, словно он вместе с Серафимом оказался вдруг в том страшном и жестоком будущем.

– Выходит, труды наши бессмысленны и тщетны, если весь мир в итоге погибнет? – прямо спросил Александр. – Неужели весь смысл жизни на нашей грешной Земле лишь в том, что жизнь исчезнет?

– Люди одумаются, сплотятся и вернуться к идеалам веры. Расцветёт страна. Не только нам у иностранцев придётся учиться, а им доведётся бывать в нашей земле да учиться у нас и вере, и трудолюбию, и благочестию. Господь помилует Россию, и она станет превыше всех царств земных.

Император встал и, пригнув голову с большой плешью надо лбом, прошёлся по келье, остановился напротив икон и трижды осенил себя крестным знамением. Вернувшись на место, изрёк то ли всерьёз, то ли в шутку:

– Вначале страхов на меня нагнал, все казни египетские описал, а под конец решил елей в уши влить?

– Всё, что тебе изложил, говорил как на духу, – спокойно глядя государю в глаза, ответил тот. – Какими дали дальние мне открылись, такими я их узрел и описал. Потому как сказы сказывать не умею, но моё сие занятие.

– И всё же после беседы нашей предельно откровенной, остался я в большом замешательстве: выживет ли держава наша, или не будет ей спасения? Радостна её планида или печальна?

– Уготовано ей через сонм страданий пройти. Держава наша не только выживет, но и закалится духовно, окрепнет материально, мощью ратной превзойдёт все иные царства земные. Бог будет медлить с помощью, но потом окажет её сполна. Так что умерь свои опасения и страхи, а положишь на волю Создателя всего сущего. Невозможное человекам, возможно Богу – таков высший закон.

Александр снова встал с лавки, показывая тем самым, что беседа завершена, поднялся и старец.

– Ведомо мне, что в последние годы стали тебя суставы беспокоить. Дам я тебе от сей хвори мазь чудодейственную на барсучьем жиру. Сам её готовлю, давно применяю и пользу превеликую чувствую.

Старец направился в дальний угол кельи и, сняв с полки глиняный горшочек с обёрнутым пергаментом горлышком, протянул его государю.

– Спасибо, преподобный. Убедился, что ничто от взгляда твоего прозорливого ускользнуть не может – видишь ты и тело моё, и душу насквозь.

Серафим посмотрел просветлённым взглядом в глаза Александра и, осеняя его крестным знамением, проговорил с лёгкой тревогой в голосе:

– А ещё, радость моя, скажу напоследок: не следует тебе в Крым ехать. Не спрашивай почему, но не следует... Храни тебя Господь!..

ГЛАВА 6

ТРУДНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ С БОНАПАРТОМ

Александр сидел на пустынном песчаном берегу в раскладном деревянном кресле, сиденье и спинку которого заменяла полоска белой парусины. Он задумчиво взирал на идущую от скрытого дымкой горизонта бесконечную череду волн. Море рождало приятную слуху музыку всплесков, перекатываний бурунов и шелеста песка, в которые гармонично вплетались гортанные крики вечно голодных чаек. Словно неприятельское войско, свирепые волны одна за другой устремлялись к береговой линии и, возмущённо вспениваясь, исчезали в песке, оставляя на нём лишь пучки морской травы, ракушки и трепыхающихся мелких рыбёшек.

Пляж заканчивался подмытой морем у основания кручей, на вершине которой, окружённый зеленью, стоял одноэтажный дом, принадлежавший таганрогскому градоначальнику. Точнее, ранее

он действительно принадлежал градоначальнику Петру Афанасьевичу Папкову, который после небольшого ремонта умудрился весьма выгодно продать его городу. Местные чиновники вначале никак не могли сообразить, что делать с этой насильно навязанной им недвижимостью, но потом решили превратить дом у моря во временную резиденцию для высокопоставленных лиц, которые довольно часто целенаправленно посещали сам стремительно развивающийся южный городок или ночевали здесь по дороге в Крым.

Александр вспомнил, что лет семь назад ему уже доводилось останавливаться в этом особняке, и, несмотря на скромность архитектуры и аскетичность внутреннего убранства, здесь было покойно и уютно. В стенах этого длинного одноэтажного здания, похожего на казарму гвардейцев, он вдруг ощутил всю полноту жизни, почувствовал ту нравственную гармонию, которой порой ему так не хватало. В немалой степени его радостному настрою способствовали местная провинциальная неторопливость, дешевизна продуктов, а также морские виды, которые открывались из окон, обращённых к синим азовским далям, или из увитой виноградной лозой беседки во дворе. Чтобы попасть на пляж, нужно было спуститься вниз по длинной каменной лестнице, которую построил и передал в дар городу один из местных меценатов. Она насчитывала 142 ступени и имела 13 площадок. Архитектор специально сделал нижние ступени лестницы несколько шире верхних, поэтому у спускающихся по ней исчезал страх высоты из-за иллюзии, уменьшающей её реальные размеры. Спуск, а затем возвращение домой по крутым ступенькам были своеобразной зарядкой, дарившей Александру бодрость и прекрасный аппетит.

Император, прищурившись, всмотрелся в грозные морские волны, которые в его воображении олицетворяли несметные вражеские полчища, желающие захватить нашу землю. Волны накатывались и накатывались гряда за грядой, чтобы, шипя и пенясь, умереть в прибрежных камнях и толще песка. Одни волны угасали, но рождались новые и новые, устремляясь к берегу, чтобы его захватить и объявить своим.

Аналогичное видение у него возникло летом 1812-го, когда он гостил у Леонтия Беннигсена в Закрете, где генерал построил летний трёхэтажный дворец с мансардами. Александр, удрав от назойливой свиты и сопровождавших его штабных офицеров, бродил тогда по диким берегам реки, и её вздыбливающиеся ветром волны казались ему вражескими лазутчиками, которые вот-вот с дикими криками начнут выпрыгивать на берег, убивая и круша всё, что возникало на их пути.

Он прогнал прочь глупые видения и вдохнул полной грудью. Вроде бы ничего особенного: журчит речка, листва трепещет, лёгкий ветерок обдувает лицо и шевелит бакенбарды, а ты остро ощущаешь всю полноту жизни. «Господи, как же я завидую всем тем, кто живёт тихой частной жизнью! Эти счастливики не несут на своих плечах ответственность за огромное государство, за народ, его настоящее и будущее... Они не переживают по поводу ошибок в принятии политических решений, проводимых военных действий или так и не проведённых до конца экономических реформ... Ну почему, Господи, ты послал мне столь тягостные испытания, сотворив меня принцем крови, прямым наследником престола?..»

Он наслаждался своим временным одиночеством, которого так всегда не хватало. Свобода, подаренная ему побегом на лоно дикой природы от суетности и цивилизации, опьяняла, пожалуй, куда сильнее шампанского «Вдова Клико» или бургундского.

Продираясь сквозь густую поросль, Александр споткнулся о притаившийся в густой траве пенёк и кувырком полетел с прибрежной высоты вниз. От падения в воду его спасла толстая ветка, за которую он успел ухватиться обеими руками. Подтянувшись, а силушкой природа его не обидела, император изловчился и не без труда выбрался на край крутояра.

– Чем не вражеский лазутчик, – рассмеялся он и неторопливо пошёл дальше к тому месту, где река, несущая свои воды к Неману, делала крутой поворот.

Здесь его и нагнали два запыхавшихся офицера, которые сообщили, что сегодня наполеоновские войска начали переходить Неман, нарушив тем самым все ранее подписанные договорённости с Российской империей о мире и взаимопомощи.

«Бонапарт посмел ступить на нашу землю. Следовательно, все обещания, данные им ранее, ныне не стоят и ломаного гроша! Таковы нравы политиков, замешанные на подлости и цинизме!..» – подумал он тогда и вместе с офицерами, принёсшими мрачную весть, торопливым шагом направился в сторону генеральского дворца, чтобы отдать все соответствующие моменту распоряжения, как требовали его высокий статус и долг...

Император вдруг вспомнил свою первую встречу с Наполеоном Бонапартом. Она состоялась близ Тильзита, посреди реки, на плоту, посреди которого возвышался, обтянутый парусиной небольшой павильон. Александр добирался до места встречи на лодке со своего берега, Бонапарт на таком же плавсредстве – с противоположного. Длилась эта встреча чуть больше часа, но поговорить с человеком, который тогда был для Александра образцом для подражания, удалось об очень многом.

«Почему я согласился встретиться с главным узурпатором Европы?.. Потому, что был крайне удручён разгромом наших войск под Аустерлицем и нашими дипломатическими промахами. Я понимал, что русская армия нуждается в реорганизации и перевооружении, но на это требовались время и средства... – Александр мысленно прокручивал ситуацию, сложившуюся в тот период. – Пришлось начать переговоры с Наполеоном, чтобы добиться хотя бы временного мира. Кроме того, я был намерен сохранить вдоль российских границ защитную зону, обезопасив таким образом нашу территорию от вражеского вторжения... Французы при каждом удобном случае пытались нам диктовать позорные, а потому неприемлемые условия, и я не мог допустить превращения России во французскую провинцию вроде Пруссии или Австрии. Об этом меня не раз предупреждала и мать, упрекая подчас в нерешительности и принимаемых полумерах. А Константин горячо убеждал вступить с непобедимым корсиканцем в переговорный процесс о мире и пойти на уступки. В принципе, и мать, и брат оказались правы. Наша армия была дезорганизована, из ряда вон плохо доставлялись провиант, фураж и боеприпасы, а новобранцы не могли заменить павших в битвах ветеранов. Вот тогда я и направил своего адъютанта в Тильзит договариваться о встрече двух императоров...»

Александр вновь вернулся в реальность. Он увидел, что небосвод над морской стихией очистился от туч и посветлел, и на душе тоже стало как-то легче и светлее. Вдыхая полной грудью целебный запах южного моря, он вновь погрузился в воспоминания о былом, считая подобное состояние признаком приближающейся старости.

«Там, в Тильзите, и состоялась моя первая встреча с Наполеоном. Я пытался сохранить внешнее спокойствие, но сердце готово было выскочить из груди... Мне удалось справиться с волнением, потому что вопрос определения сфер влияния на европейском континенте требовал незамедлительного решения. От этого напрямую зависела безопасность России и всех вновь присоединённых к ней территорий... В итоге родился документ, вошедший в историю как Тильзитская договорённость, за который меня как только ни называли: и прихвостнем корсиканца, и беспринципным соглашцем, и даже предателем отечества... Было доведено также мнение моего знаменитого визави: “Невозможно быть умнее императора Александра, но в его характере есть какой-то изъян, и я затрудняюсь определить – какой”. Любопытное наблюдение! В отличие от Наполеона, я нахожу у себя значительно больше изъянов...»

Тильзитская встреча настолько сильно врезалась в память, что Александр до мелочей помнил её, словно она случилась вчера, в крайнем случае – позавчера. Когда дипломатическая часть разговора была завершена, императоры, как бы психологически прощупывая друг друга, стали дискутировать и на другие темы. Александр был предельно искренним и ждал такого же от своего собеседника, который, как ни странно, вполне оправдал его ожидания.

– Я был воспитан одним из ярких приверженцев идей эпохи Просвещения – республиканцем Лагарпом, – признался русский император. – Мальчишкой с восторгом впитывал в себя изрекаемые им главные принципы этого переломного времени: равенство людей перед законом, свобода каждой личности, осуществление демократических преобразований, вера в безграничные возможности разума... Я всем сердцем поддерживал эти идеи, но когда занял трон...

– ...ты понял, что все эти идеи не более чем политическая трескотня, – перебил Наполеон с ехидцей в голосе. – «Свобода! Равенство! Братство!» – красивые слова, которые пробирают до слёз, но ведут общество к анархии и экономическому краху. В итоге монархи остаются не у дел, уподобляясь шекспировскому королю Лиру. Управлять государством нужно исключительно железной волей и твёрдой рукой, а для этого нужна абсолютная власть.

– Но такая власть – прямой путь к деспотии, – возразил Александр. – Один человек не может быть и законодателем, и исполнителем, и судьёй, и главнокомандующим...

– Отчего же? История знает десятки примеров, когда властители превращали свои ничем не примечательные государства в могучие империи. Юлий Цезарь, Александр Македонский, Чингисхан, Карл Великий, Пётр Первый... Не уверен, что они смогли бы осуществить свои планы, если бы

уповали на все эти придуманные для ушей плебса бредни! Кстати, твой покойный батюшка был ярким приверженцем жёстких мер в государственном управлении как во внутренней, так и внешней политике. Наши методы во многом совпадали, что помогло Франции и России сблизиться, а Англии занервничать. Особенно после того, как я возвратил домой русских пленных, захваченных в различных военных кампаниях, предоставив им обмундирование, оружие, боевые знамёна... Ах, если бы наши страны объединились, то через несколько лет весь мир лежал бы у наших ног.

– У меня отсутствует подобное стремление. Я лишь хочу содействовать спокойствию Европы.

– Твой батюшка тоже хотел спокойствия и мира, но кого-то подобная перспектива не устраивала. Павел Первый поплатился за свою политику, а ты, заняв его трон, почему-то обратил свой ясный взор на Англию, Австрию и Пруссию.

– Это дипломатия, и она совершенно не направлена во вред Франции или какой-то другой державы, – возразил Александр.

Российский император вспомнил, как в самом начале своего царствования восторгался Наполеоном, считая его гениальным государственным деятелем и полководцем. Он жаждал с ним познакомиться, хотел походить на него... Да, да, именно такие мысли постоянно посещали его, когда к нему доходили новости из Европы...

«Я даже мог породниться с этим тщеславным “сыном французской революции”, когда тот после переговоров в Эрфурте неожиданно посватался к моей сестре Екатерине. Однако провидение Божье предотвратило этот ужасный брак, который, безусловно, повлиял бы и на дальнейший ход исторических событий...»

Катюша была младше старшего брата на целых одиннадцать лет и, по сути, являлась самым близким ему человеком. Чувства, которые он всегда к ней испытывал, выходили за рамки просто братской любви. Ему нравились её пленяющая красота и живость эмоций, незаурядный ум и глубина суждений, дерзость и упрямство в отстаивании своего мнения. Он всю жизнь переписывался с сестрой, советуясь по весьма сложным и запутанным вопросам международной политики и экономики, в которых, как он считал, сестра разбиралась лучше всех его советников и дипломатов. А ещё он регулярно слал ей нежные письма, изливая в них своё восхищение её красотой и неуёмным любовным пылом... Александр стыдился своей противоестественной страсти, ругал себя последними словами, но ничего поделать не мог, ревнуя сестру к каждому посмотревшему в её сторону мужчине.

С двенадцатилетнего возраста Катюша считалась одной из самых завидных невест Европы. За ней пытался ухаживать Багратион и был безумно влюблён князь Михаил Долгорукий, её руки добивались принцы из Баварии и Пруссии, поэтому не было ничего удивительного в том, что породниться с российской императорской семьёй возжелал и амбициозный Наполеон Бонапарт. Однако великая княгиня Екатерина Павловна была неумолима: «Лучше я выйду за русского истопника, чем за этого корсиканца!»

Первый раз красавица вышла замуж за своего двоюродного брата принца Георгия Ольденбургского, а второй раз – тоже за родственника по материнской линии – короля Вюртемберга Вильгельма I. Тридцати лет от роду Катя неожиданно умерла, погрузив Александра в жуткую печаль и слёзное состояние. Император остро ощутил себя брошенным и совершенно одиноким. Его императрица-мать после убийства мужа во всём произошедшем винила старшего сына и открыто выступала против его политики и проводимых реформ. У него была красавица-жена, которая вроде бы считалась близким человеком и единомышленником, но их чувства друг к другу давно угасли, перечеркнув интимные отношения. У него была любовница, но она была всего лишь объектом страсти – мало того, и он знал это точно, она изменяла как своему законному мужу, так и ему, императору, при любом удобном случае. Да, у него были случайные любовные связи... десятки женщин горели желанием оказаться с ним в одной постели, и оказывались. Но никто из них не стал столь близким для него человеком, как Катюша, человеком, которому бы он безоговорочно доверял, с которым бы мог посоветоваться, излить душу.

«Наверное, одиночество – удел всех коронованных особ. Друзья детства и юности, законные жёны и дамы на час, даже некогда близкие родственники одной с тобой крови по истечении времени отдаляются или настолько обременены каждодневной суетой, что забывают обо всём на свете, в том числе и о бывших дружбе и приязни. Но вот что я стал замечать: насколько непереносимо одиночество в молодые годы, настолько оно приятно в зрелости. Ведь одиночество – это безграничная свобода во всём. Господь Бог тоже одинок...»

Александр почувствовал, что отвлекся от воспоминаний по поводу своих встреч с Наполеоном, которого до переговоров в Тильзите боготворил и любил как старшего брата... Незадолго до смерти, уже будучи узником острова Святой Елены, экс-император французов прислал Александру письмо, в котором признавался в своей любви к российскому коллеге и в лютой ненависти к его стране и народу. Подобное раздвоение сознания Александра совершенно не удивило, так как аналогичным способом мышления обладали практически все монархи больших и малых стран раздробленной Европы. Ненависть к огромной православной стране, нависающей над их карликовыми государствами, процветала всегда, а разбойные планы покорить её безграничные пространства, получив в придачу неисчерпаемые природные ресурсы и рабов, зрели во многих горячих головах, в том числе и в голове воинственного корсиканца.

Бесспорно, Бонапарт был очень умён, образован и красноречив. В присланных им письмах то и дело встречались точные наблюдения и афористичные мысли. Самые яркие и мудрые из них Александр прекрасно помнил до сих пор. Наполеон утверждал: «Самое важное в политике – следовать своей цели: средства ничего не значат. Народ, не желающий кормить свою армию, вскоре будет вынужден кормить чужую. Если поставить баранов во главе львов, то львы баранеют, а наоборот – то даже баран будет иметь львиное сердце. Правительства, в которых высказываются противоположные мнения, годятся, пока царит мир...» Но больше всего Александру понравилась мысль императора французов о том, что «гениальные люди – это метеоры, призванные стореть, чтобы озарить свой век».

Император поднялся с кресла и, подойдя ближе к бьющимся о берег волнам, с пафосом произнёс, словно именно они являлись его собеседниками:

– Думаю, моё правление стало именно таким и хоть ненадолго озарило темноту этой огромной державы. Моей главной задачей было и остаётся вознести Россию на верх славы и справедливости. Достанет ли мне сил продолжать начатое, не знаю... Душу раздирают усталость и опустошённость.

Он заметил, что по пустынной пляжной полосе по направлению к нему стремительным шагом двигается высокого роста флигель-адъютант.

– Срочная депеша, Ваше Величество, – офицер вытянулся в струнку и вручил императору пакет, скреплённый сургучной печатью с двуглавым орлом. В пакете находилось письмо от её Величества Елизаветы Алексеевны, которая извещала, что, если так будет угодно Господу, то завтра пополудни она прибудет в Таганрог.

В сыром Петербурге, особенно в последние годы, императрице нездоровилось, и лекари советовали ей больше времени проводить на юге, где климат для лёгких и бронхов более благотворный. Месяца два назад, узнав о намерении царской четы на какое-то время уединиться в Таганроге, местный градоначальник тут же отдал распоряжение начать ремонт дома для высокопоставленных гостей и прилегающей к нему территории. Под покои императрицы было отведено восемь комнат, для императора – две. По его просьбе обставлены они были без излишней роскоши – только самое необходимое.

– Ты там передай кому надо от моего имени, чтобы покои императрицы к завтрашнему дню были готовы. Я лично проверю, – проговорил Александр.

Флигель-адъютант тут же рысцой побежал выполнять данное императором поручение, а Александр вновь сел в кресло и погрузился в одолевавшие его воспоминания.

Из глубин памяти, словно из туманной дымки, возник Эрфурт, где состоялась его вторая встреча с Наполеоном. В центре городка высилось стройное здание кафедрального собора, вокруг которого теснились островерхие домики с крышами преимущественно красного цвета. Главный город Тюрингии был избран для встречи двух императоров не случайно: он как раз находился на полпути между Парижем и Петербургом.

После победы под Аустерлицем Наполеону в очередной раз захотелось показать свою военную мощь. Повод нашёлся: щедрые английские субсидии позволили Австрии перевооружить свою армию, и этот факт превратился в реальную опасность как для Франции, так и её союзников в Германии. На дипломатическом поле этот вопрос не нашёл понимания с российской стороны, и поэтому император французов решил встретиться и переговорить со своим российским коллегой.

«В тот период меня очень беспокоила судьба Пруссии. Так случилось, что в руки Наполеона попало письмо прусского министра барона Фридриха Карла фон унд цум Штейна, в котором он утверждал, что стремится к временному союзу с Францией исключительно для того, чтобы получить

передышку, а затем жестоко отомстить за пережитый позор. Наполеон опубликовал это письмо с собственными едкими комментариями во всех подконтрольных ему газетах, поэтому шансов напрямую вести переговоры с “узурпатором” у беспечных пруссаков не осталось. Пришлось мне вмешаться в сложившуюся ситуацию и отправиться на переговоры в Эрфурт. Я считал, что необходимо убедить Наполеона в том, что его и наши интересы во многом совпадают. Эти переговоры мне были нужны исключительно из тактических соображений – мы не были ещё готовы к войне, приход которой, как я понимал, был неизбежен».

Императоры встретились на веймарском тракте. Увидев приближающийся экипаж русского императора, Наполеон спешил и, распахнув дружеские объятия, пошёл навстречу вышедшему из коляски Александру. Императоры обменялись взаимными приветствиями и похлопываниями по плечам. Затем по знаку Наполеона царю подвели верховую лошадь, оседланную по-русски – с чепраком из меха горностая. Въезд в Эрфурт был очень торжественным и потому запомнился Александру в мельчайших подробностях. Он проходил мимо стройных шеренг французских гвардейцев под колокольный звон, барабанный бой и орудийные залпы. То и дело слышались восторженные выкрики: «Виват, императоры!»

А потом в течение недели проходили заседания, на которых рассматривались будущее Польши и Пруссии, а также взаимоотношения империй с Австрией и Турцией. Наполеон не только внимательно следил за тем, что говорил Александр, но также за его изменчивым настроением, мимикой и жестами, считывая таким образом всю необходимую ему для переговоров информацию.

«Я тоже следил за перепадами настроения корсиканца, пытаюсь разгадать его тайные помыслы и последующие реальные действия. Переговоры в Эрфурте шли очень трудно, и сие понятно, потому что от их итогов напрямую зависела жизнь народов многих стран Европы, в том числе и моего. Один неверный шаг, и большая часть европейского континента погрузилась бы в кровавую бойню... Хитрюга Талейран, бывший министр иностранных дел Франции, постоянно пытался меня склонить на свою сторону, повторяя и повторяя, что государь российский должен быть союзником французского народа. Заметьте: не императора, а народа... “Пусть франко-российский союз вас не страшит, – убеждал он тогда меня, – заключённые соглашения ведь можно сопроводить различного рода оговорками, туманными рассуждениями и умолчаниями...” В то же время в беседах с глазу на глаз Бонапарт убеждал меня, что ждёт поддержки России в предстоящей войне Франции с Австрией. Я, как мог, уклонялся от подобной затеи и в свою очередь настаивал на том, чтобы его войска покинули территорию Пруссии.

После моих слов лицо Наполеона сделалось багровым. Он сорвал с головы свою шляпу-треуголку и в бешенстве принялся её топтать. “Вы вспыльчивы, а я упрям, – произнёс я. – Гневом от меня ничего не добьёшься. Давайте продолжим разговор, или я ухожу...” Наполеон мгновенно успокоился, и наше эрфуртское свидание продолжилось. Однако подобные распри отнюдь не нарушали обширной программы переговоров. Вместе с Наполеоном я присутствовал на военном смотре, вместе с ним ездил на охоту в Эттерсбергский лес, побывали на театральном представлении и обедали у великого герцога Саксен-Веймарского... Помнится, на военный смотр я забыл взять шпагу, и Наполеон подарил мне свою. “Я никогда не обнажу её против Вашего Величества”, – пообещал я ему тогда... Но в 1812-м, когда его войска перешли границу Российской империи, пришлось обнажить десятки тысяч шпаг. Или он хотел, чтобы русские тут же сдались на милость врагу?..

Подписанная нами конвенция подтверждала ранее достигнутые тильзитские соглашения и устанавливала главную цель: всеобщий мир. А ещё мы договорились вступить в диалог с Англией, причём непременными условиями таких переговоров было признание Лондоном присоединения к России Финляндии, Молдавии, Валахии и сохранения целостности Турции. Я в очередной раз подтвердил, что выступлю на стороне Наполеона, если австрийцы вдруг на него нападут... И всё же прошедшей встречей император французов остался крайне недоволен, но вида не подавал...

После позорного поражения наших войск под Аустерлицем мной владела жгучая мысль о реванше, но окончательно она созрела только тогда, когда европейский узурпатор начал против нас войну. Наполеон или я, он или я, но вместе мы существовать не можем! – убеждал я себя в течение всей военной кампании... В итоге грозный захватчик был повержен и позорно бежал! Надеюсь, что и впредь народ наш своей силой и доблестью сможет одолеть любого врага, который захочет покуситься на нашу землю!...»

Завершение в следующем номере